

Жамцарано 1930 — Образцы народной словесности монгольских племен. Произведения народной словесности бурят. Сборник Ц. Ж. Жамцарано. Тексты. Эпические произведения эхиритбулагатов. Гэсэр-Богдо. Эпопея. Л., 1930. Т. 2. Вып. 1.

Калевала 1998 — *Лённрот Э.* Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Петрозаводск, 1998.

Карело-финский эпос 1994 — Карело-финский народный эпос / сост., вступ. ст., пер., примеч. В. Я. Евсева; отв. ред. У. Б. Далгат. М., 1994. Кн. 1—2.

Коми эпос 1987 — Коми народный эпос / вступ. ст., пер. текстов песен, коммент. А. К. Микушева; отв. ред. Б. П. Кирдан. М., 1987.

Лачплесис 1975 — Лачплесис. Латышский эпос, воссозданный по народным преданиям / подгот. Я. Я. Рудзитис; отв. ред. В. М. Гацак. М., 1975.

Мальсагов 1967 — *Мальсагов А. О.* Нарт-ортхойский эпос вайнахов. Грозный, 1967.

Мамиева 1968 — *Мамиева Н. К.* Образ Сатбны в осетинском нартовском эпосе. Орджоникидзе, 1968.

Микушев 1969 — *Микушев А. К.* Коми эпические песни и баллады. Л., 1969.

Микушев 1973 — *Микушев А. К.* Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.

Микушев и др. 1966—1971 — *Микушев А. К., Чисталев П. И.* Коми изюбка сыланкывьяс. Т. 1. Сыктывкар, 1966. Т. 2. Сыктывкар, 1968; *Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г.* То же. Т. 3. Сыктывкар, 1971.

Нартский эпос 1957 — Нартский эпос. Материалы совещания 19—20 октября 1956 г. Ред.: В. И. Абаев, Г. З. Калоев, В. И. Чичеров. Орджоникидзе, 1957.

Нарты 1974 — Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А. И. Алиева, А. М. Гадагатль, З. П. Кардангушев; вступ. ст. А. Т. Шортанова; тексты подгот. А. М. Гадагатлем, З. П. Кардангушевым; пер. А. И. Алиевой; ред. текстов оригинала и сверка пер. М. А. Кумахова; коммент. А. И. Алиевой, З. П. Кардангушева; отв. ред. В. М. Гацак. М., 1974.

Сказания о нартах 1969 — Сказания о нартах — эпос народов Кавказа / редкол.: А. А. Петросян (отв. ред.), А. И. Алиева, В. М. Гацак, У. Б. Далгат. М., 1969.

Текстологическое изучение 1971 — Текстологическое изучение эпоса / отв. ред. В. М. Гацак, А. А. Петросян. М., 1971.

Украинские думы 1972 — Украинские народные думы / подгот. Б. П. Кирдан; отв. ред. В. М. Гацак. М., 1972.

Фольклор 1977 — Фольклор: Издание эпоса / редкол.: А. И. Алиева, В. М. Гацак, А. С. Мирбадалева, А. А. Петросян (отв. ред.). М., 1977.

SKVR — Suomen kansan vanhat runot, 1—XIV. Helsinki, 1908—1944.

Г. З. ИМАЕВА

(Уфа)

СКАЗКОВЕДЧЕСКОЕ

НАСЛЕДИЕ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО

(К 170-летию со дня рождения)

В этом году исполнилось 170 лет со дня рождения Александра Николаевича Веселовского (1838—1906), выдающегося российского филолога, историка и теоретика литературы, академика Петербургской академии наук.

Александр Веселовский родился в московской семье военного педагога. Он получает сначала домашнее образование, в котором значительное внимание уделяется иностранным языкам. После завершения курса гимназии он в шестнадцать лет становится студентом словесного факультета Московского университета. Время его студенчества пришлось на одну из ярких эпох в истории старейшего русского университета. Среди учителей молодого Веселовского были историки Грановский и Кудрявцев, филологи Шевырев, Бодянский, Леонтьев. Но наибольшее влияние имел на начинающего ученого его ближайший учитель, профессор Ф. И. Буслаев: он направил Веселовского на изучение древней русской литературы и народной словесности и познакомил с теориями, которые в то время господствовали в западноевропейской и русской науке под влиянием романтического «народничества» братьев Гримм. От «романтизма народностей» Веселовский, по его собственному признанию, скоро освободился, но он усвоил филологический метод Буслаева, так восхищавший его в студенческие годы: «работа, творившаяся почти на глазах, орудовавшая мелочами, извлекавшая неожиданные откровения из разных Цветников, Пчел и т. п. старья» [Жирмунский 1979, 86].

Окончив университет с золотой медалью в 1858 г., Веселовский получил степень кандидата и был оставлен при кафедре классической филологии.

В 1859—1867 гг. Веселовскому довелось побывать в Испании, Италии,

Франции, Англии, Германии, Чехии, Сербии. Во время зарубежной командировки А. Н. Веселовским были опубликованы статьи, которые свидетельствовали о широте научных интересов ученого; они являются важной вехой его становления как специалиста. О многогранной деятельности Веселовского в описываемое время свидетельствуют и отчеты о его работе за границей, печатавшиеся в журналах Министерства народного просвещения в 1862 и 1863 гг.

Особое значение имеют годы, проведенные Веселовским в Италии (1864—1867), так как они были первым этапом его самостоятельной научной работы. Ряд исследований, посвященных преимущественно итальянскому Возрождению и написанных на итальянском языке, создает Веселовскому научное имя на Западе, в особенности публикация рукописи неизвестного романа XV в., найденного им в Риккардианской библиотеке во Флоренции и напечатанного под заглавием «Il Paradiso degli Alberti» («Вилла Альберти», 1867—1868) [Веселовский 1970а].

Осенью 1868 г. Веселовский возвращается в Россию. Материалы, собранные за границей, были использованы им в магистерской диссертации, посвященной итальянскому Возрождению, и послужили основой для ряда статей об эпохе Возрождения. В 1870 г. он получает должность доцента Петербургского университета. Здесь через два года защищает докторскую диссертацию «Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине». После защиты он становится профессором университета.

В 1876 г. Веселовского избирают членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, через четыре года — академиком. Веселовский был членом зарубежных академий и различных научных обществ.

Возглавив в университете кафедру всеобщей литературы, Веселовский расширил программу преподавания в сторону германских и романских языков и литературы. По его инициативе при историко-филологическом факультете

было основано первое и в течение ряда лет единственное в дореволюционной России романо-германское отделение. Как центр научной работы по этой специальности Веселовский организовал в 1885 г. при Петербургском университете Неофилологическое общество, имевшее целью привлечь к научной работе более широкий круг лиц, интересующихся западной филологией.

Каков был этот ученый в жизни?

Твердая поступь, властный голос, своеобразный, отчасти резкий язык — все это, конечно, хорошо было знакомо давно и близко знавшим Веселовского и не могло не производить сильного, неизгладимого впечатления на посторонних людей.

Об ученых остается не так много мемуарных свидетельств, гораздо меньше, чем об актерах или писателях. Особенно драгоценно каждое из этих живых впечатлений, если оно не ограничивается только внешним, но позволяет подсмотреть ход мысли, соотнести устное слово человека с тем, что мы прочитываем в его книгах: «Был небольшой ресторанчик Кинча на углу Большого проспекта и 1-й линии Васильевского острова. Туда часто заходили по вечерам профессора университета поужинать, выпить бутылку вина или пива. Там любил бывать с учениками профессор Александр Николаевич Веселовский. В книгах своих он печатал только то, в чем был уже непоколебимо убежден, что мог обосновать вполне научно. Между тем особенно интересен и глубок он был в своих интуициях и догадках, раскрывавших широчайшие творческие горизонты: высказывать их в своих книгах и лекциях он воздерживался. И тут вот, “У Кинча”, над стаканчиком вина, Веселовский давал себе полную волю, и ученики жадно следили за широкими картинами, которые на их глазах набрасывал гениальный учитель» [Вересаев 2000, 206]. Автор этих слов, В. В. Вересаев, поступил в Петербургский университет в 1884 г. Это было то самое время, когда историческая поэтика из «интуиции и догадки» превращалась в систему.

Приведем слова из еще одной книги о Веселовском, появившейся через 18 лет после его смерти: «Спокойной

ясностью и неизменным доброжелательством к людям проникнут весь его облик. Глубоким душевным здоровьем, несокрушимой жизненной силой и энергией веет от этой, немного неуклюжей, неповоротливой, но крепкой и мощной фигуры, и вглядываясь в эти блестящие, “лучезарные” глаза, прислушиваясь к этому уверенному и властному голосу, вникая в эту неторопливую и также немного неуклюжую речь, где внешняя ясность построения принесена в жертву адекватному выражению осторожной и точной мысли, вы чувствуете, что перед вами человек, который действительно может поднять на плечи огромную тяжесть несозданной русской науки о литературе, перекопать слой за слоем исторические залежи литературных явлений, исполнить то “дело”, к которому он неустанно и непрерывно готовился с университетской скамьи» [Энгельгардт 1924].

По своему научному кругозору, исключительной широте своих знаний, глубине и оригинальности теоретической мысли А. Н. Веселовский намного превосходит большинство своих современников, как русских, так и иностранных. Литературное наследие Веселовского включает более 280 статей и книг; оставшееся незаконченным собрание его сочинений (изд. Академии наук) должно было насчитывать 26 томов. Собрать и заново издать все (или почти все), опубликованное Веселовским в России и за границей, решено было уже вскоре после его смерти. Однако из задуманных двадцати шести выпусков его «Собрания сочинений» появилось лишь восемь; позднее к ним удалось добавить еще два, и на этом издание окончательно остановилось [Веселовский 1908—1938].

Веселовский был не только историком и теоретиком литературы, но и издателем и комментатором средневековых русских и западных текстов. Круг его исследований охватывает итальянское Возрождение и романтизм в России и на Западе, средневековую литературу и фольклор, вопросы теории литературы и поэтики.

Мы коснемся только сказковедческой стороны его гигантского наследия. Всего, что писалось Веселовским,

прямо или опосредованно, о сказке, оказалось настолько много, что труды эти составили целый том [Веселовский 1908—1938, т. 16]. В работе «Сказки об Иване Грозном», в курсах лекций, в целом ряде рецензий на сказочные сборники и исследования, в этюдах, так или иначе связанных с проблемами собирания и изучения сказки, есть множество отдельных набросков, замечаний, общих и частных высказываний, которые дают возможность представить себе его концепцию происхождения и развития сказки как многожанрового явления, понимание ученым путей и задач ее изучения.

Теоретический пафос всей жизненной работы А. Н. Веселовского как ученого заключался в установлении всеобщей закономерности словесного искусства на всем протяжении истории.

Веселовский, блестящий стилист и мастер художественной характеристики, в течение ряда лет последовательно ограничивает себя накоплением параллелей и сопоставлений, фактического материала, выписок и цитат по средневековой литературе и народной словесности, которые без вмешательства субъективной точки зрения исследователя должны, по его мысли, подсказывать читателю объективные обобщения, как бы заложенные в самом материале. Веселовский объясняет метод своего исследования как своего рода историческую индукцию, основанную на сопоставлении «параллельных рядов сходных фактов» и позволяющую «проследить между ними связь причин и следствий». «Это обобщение можно назвать научным, разумеется, в той мере, в какой соблюдена постепенность работы и постоянная проверка фактами, и насколько в вашем обобщении не опущен ни один член сравнения» [Веселовский 1870, 45]. «Чем более таких сравнений и совпадений и чем шире занимаемый ими район, тем прочнее выводы», — утверждает Веселовский в своей работе «Три главы из исторической поэтики» [Веселовский 1940, 202].

С начала 1880-х гг. Веселовский ведет подготовительную работу по исторической поэтике в серии университетских курсов, записей которых, к сожа-

лению, не сохранилось. В 1897—1903 гг. основной темой чтений Веселовского по поэтике становится «История поэтических сюжетов». В лекциях этого периода он впервые обращается к основному вопросу поэтики сюжетов («почему известного рода сюжеты популярны, почему одни из них падают, сменяясь новыми?») [Веселовский 1940, 454].

Наброски «Поэтики сюжетов» были опубликованы проф. В. Ф. Шишмаревым во 2-м томе посмертного «Собрания сочинений» по рукописи Веселовского и включают конспекты этого курса и материалы, собранные им по указанной теме. Незаконченная «Поэтика сюжетов», последний теоретический опыт Веселовского, рассматривает мотивы и сюжеты как отражение «доисторического быта», прослеживая в них следы анимизма и тотемизма, матриархата и экзогамических запретов. Теоретическое обоснование этой точки зрения мы находим в рецензиях Веселовского на работы Либрехта по этнографии и фольклору.

Несмотря на свое увлечение проблемой международных литературных влияний, в частности, в области средневековой литературы и фольклора, Веселовский уже в первых своих работах по сравнительному литературоведению выступает против крайностей так называемой «миграционной теории». Сходство первобытного мышления, обрядов и суеверий, как и сходство фольклорных мотивов, определяется возможностью «полигенезиса» мотивов, т. е. «самостоятельного зарождения одного и того же представления в разных этнических сферах, не соприкасающихся друг с другом» [Веселовский 1891, 123]. «Как в языках, при различии их звукового состава и грамматического строя, есть общие категории (например, числительных имен), отвечающие общим приемам мышления, так и сходство народных верований, при отличии рас и отсутствии исторических связей, не может ли быть объяснено из природы психического процесса, совершающегося в человеке? Чем иначе объяснить, что в сказках и обрядах народов, иногда очень резко отделенных друг от друга и в экономическом, и в историческом отношении, повторяются те же мотивы и

общие очертания действия...» [Веселовский 1938, 86]. Эта точка зрения была подсказана Веселовскому Тэйлором и его книгой «Первобытная культура» [Тэйлор 1939], которую он называет «замечательной» [Веселовский 1938, 94].

В «Поэтике сюжетов» Веселовский делает попытку найти способ, с помощью которого можно было бы отличать сферу «самозарождения» от сферы «влияния». Ключ к решению возникшей перед ним проблемы он усматривает в таком теоретическом построении, при котором, с одной стороны, учитывались бы различные уровни общественно-бытового развития, а с другой — относительная морфологическая сложность повествовательных схем. Простое исторически предшествует сложному, неразвитое — развитому, и, следовательно, если поэзия есть отражение жизни, то простейшие (т. е. взятые в процессе их логически выпрямленной, «чистой» эволюции) поэтические формы тоже должны предшествовать более сложным. Так ученый приходит к мысли о необходимости различать «мотив» и «сюжет». До конца осуществить это ему, правда, не удалось. Но начало было положено.

Под *мотивом* ученый предлагал разуметь «простейшую повествовательную единицу, образно отвечающую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения»; под *сюжетом* — «темой», в которой снуются разные положения-мотивы [Веселовский 1940, 500].

Такое различие сюжета и мотива, предложенное Веселовским, представляет собой огромное завоевание, так как оно создает условия для научного анализа сюжетов, анализа их состава и дает возможность ставить вопросы генезиса и истории фольклора, в том числе и сказочного. Как мотив, так и сюжет не имеют для Веселовского самодовлеющего значения, а служат отражением бытовых условий и развития мировоззрения [Пропп 2000, 102].

«И мотивы, и сюжеты» согласно Веселовскому «входят в оборот истории как формы для выражения нарастающего идеального содержания» [Веселовский 1940, 495]. Но если мотивы отличаются простотой и устойчивостью, то сюжеты, напротив, сложны и варь-

ируются, вбирают в себя новые мотивы либо комбинируются друг с другом. При сходных бытовых и психологических условиях на первых стадиях человеческого развития мотивы могли создаваться и создавались самостоятельно и вместе с тем представляли общие черты. Поэтому на основе мотивов, говорит Веселовский, нельзя строить теорию заимствования.

Анализ мотивов не позволяет отделить литературный источник от бытового, и вопрос о том, не есть ли то, что кажется нам заимствованным, результатом многократных параллельных независимых отражений сходного в самой жизни, все время будет оставаться открытым. Оба источника будут смешиваться.

Иное дело — сюжеты. Это всегда «сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности» [Там же, 495]. Так как они образуются путем приращивания к основной схеме новых мотивов или посредством их комбинации, то «это предполагает уже известную свободу выбора» формальных элементов из накопленного фонда поэтических средств. «Схематизм сюжета уже наполовину сознательный» [Там же], поэтому особенности сюжетной структуры нельзя целиком вывести из внешних условий жизни. Будучи сложными комбинациями мотивов, сюжеты не могут повторяться случайно. Это не позволяло Веселовскому объяснять сюжетное сходство произведений с помощью теории самозарождения. «Чем сложнее комбинации мотивов... — говорит Веселовский, — чем они нелогичнее и чем составных мотивов больше, тем труднее предположить, при сходстве, например, двух подобных разноплеменных сказок, что они возникли путем психологического самозарождения на почве одинаковых представлений и бытовых основ. В таких случаях может подняться вопрос о заимствовании в историческую пору сюжета, сложившегося у одной народности, другою» [Там же, 500]. Ставя так вопрос, автор «Поэтики сюжетов» в то же время оговаривается, что он вовсе не мыслит себе творческий акт только в виде повторения или но-

вой комбинации типических сюжетов. «Есть сюжеты анекдотические, подсказанные каким-нибудь случайным происшествием, вызвавшим интерес фаволой или главным действующим лицом» [Там же, 500].

Кроме того, он предлагал, во избежание поспешных заключений, не ограничиваться одним формальным анализом, а принимать во внимание и некоторые подробности: «Мы по крайней мере того мнения, что иногда даже сложное сходство двух или нескольких сказаний, проникающее и в частности, не дает права на гипотезу заимствования, если это сходство не превзойдут какие-нибудь исторически определенные черты» [Веселовский 1908—1938, т. 43].

Гениальная простота мысли Веселовского состоит в том, что «форма» и «идея» (или «содержание») им никогда не разъединяются и не противопоставляются. Наоборот, сама форма есть выражение идеи. Историческая поэтика «научит нас, — писал Веселовский, — что в унаследованных нами формах поэзии есть нечто закономерное, выработанное общественно-психологическим процессом, что поэзию слова не определить отвлеченным понятием красоты, и она вечно творится в народном очередном сочетании этих форм с закономерно изменяющимися общественными идеалами <...>» [Веселовский 1940, 317]. Таким образом, разработка поэтики является предпосылкой для исторического изучения сказки.

Полного развития взгляды Веселовского достигли в его докторской диссертации «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. Из истории литературного общения Запада и Востока» [Веселовский 1908—1938, т. 8, вып. 1]. Хотя эта работа и не касается сказок в узком смысле этого слова, метод ее имел большое значение для их изучения. Внешне композиция диссертации похожа на построение работы Бенфея, но Веселовский здесь идет совершенно самостоятельным путем. Сюжет о Соломоне возник в Индии, где он связан с именем царя Викрамадитьи («32 расказа о Викрамадитьи»). Из Индии эти сказания переходят в Иран. Из Ирана

они распространяются по всему Востоку и Западу. Веселовский устанавливает посредствующие звенья и сроки перехода сюжетов.

Однако это только внешняя схема. Веселовский не ограничивается установлением факта заимствования, но ставит вопрос, который не выдвигался Бенфеем, а именно — вопрос о причинах заимствования.

В 1887 г. в рецензии на «Лорренские сказки» Коскэна Веселовский утверждает: «Дословное сходство в незначительных мелочах, представленное сказками разных народов, не может быть объяснено иначе, как перенесением» [Веселовский 1908—1938, т. 16, 214]. Но тут же он допускает, что «схема» сказок может создаваться в разных местах самостоятельно. О заимствовании мы имеем право говорить только тогда, когда об этом свидетельствуют «случайные подробности». Ни вопросы происхождения, ни закономерность сходства ими не объясняются. Любимая мысль Веселовского повторяется здесь в чрезвычайно четкой и ясной форме: «<...> Усвоение пришлого сказочного материала немисливо без известного предрасположения к нему в воспринимающей среде. Сходное притягивается сходным, хотя бы сходство было и неабсолютное <...> С этой точки зрения, в каждой сказке должно быть и свое и чужое, теория заимствования подает руку теории самозарождения...» [Веселовский 1908—1938, т. 16, 221].

Уже в первых своих работах по сравнительному литературоведению Веселовский выдвигает положение о том, что всякое заимствование предполагает у заимствующего встречное движение мысли — аналогичную тенденцию в том же направлении, лишь оформляемую сторонним «влиянием». «Заимствование, — говорит Веселовский, — предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречное течение, сходное направление мышления, аналогичные образы фантазии. Теория “заимствования” вызывает, таким образом, теорию “основ” и обратно...» [Веселовский 1889, 115]. Эта теория «встречных течений» исходит из необходимости развития одинаковых форм идеологии при сходных общественных условиях.

Окончательное разрешение эти вопросы получили в «Поэтике сюжетов» — специальном историко-литературном исследовании, посвященном истории сюжетов в средневековой литературе и народной словесности.

Веселовский наметил обширную программу изучения сказки. Так, в лекциях, посвященных эпосу, он говорил о том, что «было бы интересно сделать морфологию сказки и проследить ее развитие от простейших сказочных моментов до их наиболее сложной комбинации. Тогда бы мы узнали, что чем древнее сказка, тем проще ее схема, чем новее, тем более она усложняется <...>. Наша русская сказка уже комбинационная, и те, которые говорят о ее древности, основываются на ложной посылке, еще не разработанной» [Веселовский 1940, 454]. И чуть далее повторял: «...вопрос сводится к необходимости построить морфологию сказки, чего пока еще никто не сделал» [Там же, 459]. Говоря о морфологическом изучении сказки, он также писал: «Вы хотите изучать морфологическое содержание сказки, мифа? Возьмите сказку в ее цельности, изучите в ней сплав разных мотивов, рассмотрите ее в связи со сказками того же народа, определите особенности ее физиологического строя, ее народную индивидуальность и затем переходите к сравнению со сказкой и сказками других народов» [Веселовский 1938].

Эти идеи впоследствии были развиты В. Я. Проппом в его работе «Морфология сказки» [Пропп 1928], положившей в советской и мировой науке начало структурному изучению фольклора, в том числе и с помощью построения соответствующих моделей, используя компьютерные технологии. Вся эта область исследований, в конечном счете восходящая к мыслям А. Н. Веселовского, в настоящее время по праву считается наиболее разработанной во всей совокупности современных научных дисциплин, исследующих текст (и литературный, и фольклорный) точными методами. Различные сказочные персонажи и мотивы были рассмотрены и классифицированы В. Я. Проппом с точки зрения их функций, в результате чего «по признаку действия» оказалось

возможным объединить гетерогенные мотивы и персонажи. Возможно, отчасти благодаря этому труду В. Я. Проппа идеи А. Н. Веселовского становятся известны зарубежным ученым 2-й половины XX в. [Леви-Строс 1985].

Веселовский призывал также к созданию «Указателя сказочных мотивов». Мечта Веселовского о каталоге «типических схем» осуществилась в появлении целого ряда указателей сказочных сюжетов [Андреев 1929; Барак и др. 1979; Aarne 1910; Krzyzanowski 1962—1963; Polivka 1923—1931; Tille 1929—1937; Thompson 1927 и т. д.].

Рассматривались Веселовским и вопросы о содержательном пути развития сказки, а также о взаимодействии сказки и литературной повести.

А. Н. Веселовский не только ставил задачи изучения сказки, но и сам давал образцы таких исследований в своих многочисленных работах, например, в рецензии на книгу С. Прато «Легенда о сокровище Рампсинита по различным итальянским и чужестранным редакциям» [Веселовский 1908—1938, т. 16, 185—190]. С. Прато — один из крупных итальянских фольклористов-компаративистов. Сказка о ловком воре, связанная в изложении Геродота с именем Рампсинита, неоднократно привлекала внимание исследователей, так как, во-первых, текст Геродота принадлежит к числу древнейших известных сказочных текстов вообще, во-вторых, сама сказка пользуется весьма значительной популярностью и любопытна по своим историческим приурочениям.

А. Н. Веселовский еще в 1876 г. в статье «Сказки об Иване Грозном» касался отчасти того же самого сюжета, не связывая его, однако, с версией Геродота (на эту статью он делает ссылку в рецензии, которая была помещена в журнале «Mélusine», 1878, с. 136—137).

В западноевропейской науке рассказу о Рампсините был посвящен ряд заметок еще до появления книги Прато. Но книга Прато отличалась от других работ богатством привлеченного материала и тщательностью его характеристики: это — монографическое исследование сюжета. Поэтому Веселовский посвятил этой книге специальную рецензию (и позднее он продолжал подбирать

указания к сказкам этого типа, как показывают его рукописные заметки).

При своей монографичности и основательности работа Прато страдает существенными недостатками, и Веселовский как раз указывает на эти недостатки. Подобно большинству компаративистов, Прато, в сущности, занимается главным образом накоплением материала. Отсюда — недостаточно глубокий и острый анализ отдельных вариантов, то, что Веселовский называет отсутствием «генеалогии различных пересказов легенды». Чрезвычайно интересно высказанное самим ученым мнение о меньшей архаичности геродотовой версии сравнительно с записями позднейшего времени. Веселовский внимательно рассматривает детали, и именно такое изучение деталей помогает исследователю выяснять взаимоотношения между различными версиями; между прочим, отмеченный Веселовским пропуск мотива оплакивания вора матерью или женой позднее обратил на себя внимание Фрэзера, который приходит к выводу, что Геродот передает сказание в сокращенном виде.

С другой стороны, Прато (подобно большинству) ограничивается привлечением материалов, аналогичных рассказу Геродота. Веселовский, наоборот, расширяет круг исследования и привлекает материал более отдаленный, устанавливающий неожиданные связи данного рассказа с другими. При этом внимание Веселовского привлекают вопросы генетические, а не формальное сопоставление и сравнение различных вариантов. Вот почему, например, в рецензию включен рассказ о душе в виде мыши, рассказ, казалось бы, не имеющий никакого отношения к разбираемой сказке. Именно эта широта и вместе с тем глубина воззрений выгодно отличает Веселовского от собственных компаративистов.

Веселовский в конце рецензии довольно ясно указывает, что работа Прато его не удовлетворила. Прато только собрал данные и указания, при помощи которых кто-нибудь смог бы попытаться рассказать действительную (а не формальную) историю сказки о рампсинитовом сокровище. «Эта история, с одной стороны, должна ответить

на вопросы, на какой основе и почему возникли те или иные рассказы и версии их, а с другой, — самые версии охарактеризовать значительно полнее и глубже» [Веселовский 1908—1938, т. 16, 190].

С течением времени стал раскрываться внутренний смысл наследия Веселовского. Стала яснее обнаруживаться органическая связь между отдельными, разбросанными там и тут его теоретическими замечаниями. Специальные науковедческие исследования посвятили Веселовскому такие выдающиеся ученые, как В. М. Жирмунский, В. Е. Гусев, Р. А. Будагов, М. К. Азадовский, Н. К. Горский, Е. В. Аничков, Д. К. Петров, А. Н. Пыпин, В. Ф. Шишмарев, Л. В. Чернец, К. И. Ровда и другие. Время еще раз подтвердило правомерность подхода А. Н. Веселовского к исследованию словесного творчества, открывающего реальные пути его исторического развития.

Литература

Азбелев 1988 — *Азбелев С. Н.* Богатырь русской филологии. К 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского // Русская речь. 1988. № 5. С. 100—105.

Андреев 1929 — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. М., 1929.

Бараг и др. 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Вересаев 2000 — *Вересаев В. В.* Литературные портреты. М., 2000.

Веселовский 1908—1938 — *Веселовский А. Н.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. 1; СПб., 1913. Т. 2, вып. 1; СПб., 1908. Т. 3; СПб., 1909. Т. 4, вып. 1; СПб., 1911. Т. 4, вып. 2; Пг., 1915. Т. 5; Пг., 1919. Т. 6; Пг., 1921. Т. 8, вып. 1; Л., 1930. Т. 8, вып. 2; М.; Л., 1938. Т. 16.

Веселовский 1870 — *Веселовский А. Н.* О методе и задачах истории литературы как науки // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Ноябрь. Ч. 152. С. 1—14.

Веселовский 1870а — *Веселовский А. Н.* Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV столетия. М., 1870.

Веселовский 1938 — *Веселовский А. Н.* Сравнительная мифология и ее метод // Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 16: Статьи о сказке (1868—1890). М.; Л., 1938. С. 90—127.

Веселовский 1889 — *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Вып. 5.

Веселовский 1891 — *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1891. Вып. 6.

Веселовский 1940 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940.

Горский 1975 — *Горский И. К.* Александр Веселовский и современность. М., 1975.

Жирмунский 1940 — *Жирмунский В. М.* Историческая поэтика А. Н. Веселовского // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 3—37.

Жирмунский 1979 — *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Л., 1979.

Заборов 1999 — *Веселовский А. Н.* Эпос (Из авторского конспекта лекционных курсов 1881—1882 и 1884—1885 гг.) / публ. С. Н. Азбелева // Александр Веселовский. Избранные труды и письма / отв. ред. П. Р. Заборов. СПб., 1999. С. 99—117.

Отчет 1863 — Отчет кандидата А. Н. Веселовского // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. Ч. 117, отд. 2. С. 158—160.

Леви-Строс 1985 — *Леви-Строс К.* Структура и форма: Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М., 1985. С. 9—34.

Памяти академика 1921 — Из юношеских дневников А. Н. Веселовского // Памяти академика А. Н. Веселовского. Пг., 1921. С. 43—126.

Пропп 1928 — *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Л., 1928.

Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка. М., 2000.

Тэйлор 1939 — *Тэйлор Э.* Первобытная культура / ред. В. К. Никольского. М., 1939.

Шишмарев 1972 — *Шишмарев В. Ф.* Александр Николаевич Веселовский // Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Л., 1972. С. 320—330.

Энгельгардт 1924 — *Энгельгардт Б. М.* Александр Николаевич Веселовский. Пг., 1924.

Aarne 1910 — *Aarne A.* Verzeichnis der Märchentypen // Folklore Fellow Communication. 1910. № 3.

Krzyzanowski 1962—1963 — *Krzyzanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962—1963. Т. 1—2.

Polivkã 1923—1931 — *Polivkã J.* Súpis slovenských rozprávok. Sv. Martin, 1923—1931. Т. 1—5.

Tille 1929—1937 — *Tille V.* Soupis českých pohádek. Praha. 1929—1937. Т. 1—2.

Thompson 1927 — *Thompson S.* The types of the folk-tale // Folklore Fellow Communication. 1927. № 74.